

— «Дорогая Елена Сергеевна» вызвала противоречия, подчас полярные оценки и суждения. Многие считают, что сценарий несколько устарел, и потому в фильме актуальность парадоксально сочетается с архаичностью.

— Одна и та же картина в разное время вызывает разную реакцию — это зависит от уровня готовности к ее восприятию зрителя. Поэтому, конечно, все хорошо — во в р е м я. Но по большому счету произведение искусства нужно ведь судить, наверное, по каким-то вневременным, вечным что ли критериям. Хорошее кино всегда должно вызывать сопереживание — и вчера, и сегодня, и завтра.

А «Елена Сергеевна» уже сейчас не дает сборов, и многие кинотеатры отказываются от ее проката. Нельзя, конечно, все мерить прокатом, но когда мы спорили с Рязановым о фильме, то пытались предугадать и его прокатную судьбу — это ведь пусть грубый, но тоже какой-то показатель того, что хорошо, а что плохо.

Я с самого начала был не согласен с идеей, с замыслом картины, говорил, что мы снимаем нечестное кино, что зрители поймут его так: вот какая замечательная учительница и какая плохая молодежь! И мало кто увидит в Елене Сергеевне не такого уж положительного героя.

Так уж получилось. Я ни в коем случае не потираю в злорадстве ручки, просто мне приятно, что я оказался прав.

что мои дедушка и бабушка — историки.

Школа всех приводит к общему знаменателю, лишая человека права на собственное мнение. Формирует так называемую коллективную психологию, которая потом господствует в обществе: нормальный — это значит как все, а если не как все — значит псих. Словом, я не видел смысла продолжать учебу в школе и поступил в медицинскую на фельдшера, надеясь получить среднее образование плюс интересную профессию.

Но надеждам моим не суждено было оправдаться. Физикой, от которой у меня наступает паралич воли, мы занимались три раза в неделю, а патологией — один раз, да и то теоретически. А мне как человеку не очень теоретического склада казалось, что этот предмет лучше изучать не в кабинете, а в морге. В общем, из медицинских дисциплин, в отличие от общеобразовательных, шли у меня хорошо. К тому же начались съемки, а сессию мне перенести отказались.

— Так ты, выходит, и остался не охваченным всеобщим средним образованием?

— Пока да, не охвачен. Но учусь в вечерней школе. А еще руковожу студией брейк-данса. Этим, да еще редкими заработками от выступлений, и живу.

— В мечтах о поступлении на актерский факультет?

— Нет, зачем? Во-первых, я не поступ-

НЕПРИКАЯННЫЕ ИЛИ ФИЛОСОФЫ?

ФЕДОРА Дунаевского, думаю, нет надобности подробно представлять нашему читателю. Главная роль в фильме «Курьер» сделала его имя популярным в молодежной аудитории, впрочем, зрители со стажем и критики тоже отметили и запомнили его героя — на экране был показан новый тип нашего молодого современника, хорошо знакомый в жизни и совершенно не попадавший дотоле в поле зрения кинематографа. Новая интересная работа Дунаевского в картине Эльдара Рязанова «Дорогая Елена Сергеевна», где он сыграл Витяка, стала как бы продолжением начатого разговора, еще одной попыткой разобраться в проблемах человека, стоящего на пороге взрослой жизни, и ответить на вопрос: почему поколение конца 70-х — начала 80-х сегодня часто называют «потерянным»?

— Твой Витек, по-моему, из всех героев фильма — самый симпатичный и настоящий. Так было задумано или ты пошел наперекор сценарию и сам «вытащил» из своего героя доброту и человечность?

— Во-первых, Витек таким и был задуман. Во-вторых, играть его мне было легко — хотя мы с Витьком очень разные, но в жизни я встречал много таких ребят, этот характер типичен и хорошо мне знаком. И потом, алкоголика играть вообще легко — мне кажется, проще всего играть алкоголиков и хулиганов.

Я не считаю себя актером. Миша Ефремов, например — вот он актер, он может играть все. А я могу играть только то, что мне понятно и близко, что я хорошо знаю и чувствую.

— Как было в «Курьере»?

— Да, там было почти полное совпадение меня самого с моим героем. Мне тогда было 17 лет, и то, что требовалось от меня как от актера, легко наложилось на мои проблемы, опыт, жизненную философию. В этой картине я работал с наслаждением, потому что мы снимали совершенно понятное мне, простое, лирическое, юмористическое кино. Я был ограничен только рамками сюжета, в остальном же абсолютно свободен, за что очень благодарен Карену Шахназарову — за доверие и возможность импровизации.

После «Курьера» было много предложений сниматься, но я отказывался, хотя целый год жил только на подработке от выступлений, и в материальном отношении сниматься, конечно, было выгодно. Но я не могу, просто не могу играть то, что мне чуждо. Например, в фильмах на военную тему. Мой дед, который оставил на войне здоровье, эти фильмы не смотрит, и я знаю от него, что война — это бессонные ночи и кровавая каша, а вовсе не подвиг и не порыв, которые нам показывают в кино.

Но хотелось работать, а не сидеть в ожидании хорошей роли, постепенно превращаясь в брюзгу. И когда меня пригласили на «Узбекфильм» сняться в антисталинской картине «Трое отважных», я согласился. Сыграл там сына репрессированного «врагов народа», который формой своего протеста избирает участие в банде. Мне кажется, что фильм, ни о чем не говоря «в лоб», достаточно точно передает атмосферу, дух времени. К тому же съемки проходили летом в Одессе, что тоже в какой-то мере повлияло на мое решение — хотелось заодно отдохнуть и покупаться.

— Федя, актером ты себя не считаешь. Как в таком случае ты попал в кино?

— Случайно. Все началось с моей одноклассницы Насти Немолововой, которая играла в «Курьере» Катю. Она назвала ассистенту режиссера фамилии двоих моих приятелей и мою, и мы получили приглашение на пробы. Я, признаться, не относился к этому серьезно и ходил на киностудию просто ради развлечения. Меньше всего ожидая, что меня утвердят, я, соответственно, не отличался особым волнением и старанием — возможно, это как раз мне и помогло. Хотя то, что примерно из двух тысяч кандидатов на главную роль выбрали именно меня, до сих пор кажется странной случайностью.

— Ты тогда еще учился в школе?

— Нет, школу я бросил в 9-м классе.

— Почему?

— Я занимался на уроках интеллектуальным пиратством, чем неизменно вызывал негодование учителей. Помню, как на занятии, посвященном разгрому камениско-троцкистского левого блока, я процитировал материалы XX съезда и получил за это двойку. Но мне было неинтересно отвечать по учебнику, тем более

лю, потому что не сдам экзамены по общеобразовательным предметам. Во-вторых, система актерского образования, насколько мне известно, у нас весьма странная — всех студентов одними и теми же средствами и методами учат быть одинаково «органичными», талантливыми и бездарными выравнивают — то есть опять же приводят к общему знаменателю. Наконец, перспектива сидеть и годами ждать, когда тебя кто-нибудь пригласит сниматься, меня не привлекает.

Можно, конечно, «переключиться» на театр, но театр мне кажется безнадежно скучным, и на спектаклях меня всегда тянет ко сну или в буфет — ну что с этим поделаешь?

И потом, актерам, наверное, должны нравиться известность, поклонники, чтобы узнавали на улице... У меня же все это вызывает одно лишь раздражение, вообще любопытство зрителей к жизни актеров представляется мне явлением патологическим.

— У тебя много друзей?

— Для меня друзья — это те, с кем можно сидеть и ни о чем не говорить — просто хорошо вместе. Таких немного. А приятелей очень много.

— Как ты предпочитаешь проводить свободное время?

— Люблю поговорить и поспорить с умным человеком. Например, у меня есть приятель, который учится на журфаке — мы с ним играем в шахматы и часами философствуем.

Читаю, смотрю телевизор. Жена удивляется, как я могу смотреть всякую чушь, а мне интересно любое кино, даже плохое — если не получаешь удовольствия как зритель, то по крайней мере всегда есть пища для ума — думаешь, как это снято, почему и т. д.

— Крестик в ухе — это просто украшение или какой-то религиозный знак?

— В принципе я атеист. Но интересуюсь философией религии. Больше симпатизирую католической вере, чем какой-либо другой. В православной церкви чересчур много внешней атрибутики и обрядов. Мусульмане кажутся мне чересчур нетерпимыми к людям других вероисповеданий. А католическая религия, по-моему, достаточно демократична, к тому же я очень люблю орган.

— Сейчас на экране появляется много фильмов на молодежную тему. Какие из них ты бы выделил?

— Гениальных фильмов о молодежи я не видел вообще. Но если пользоваться не какими-то идеальными вселенскими критериями, а законами, созданными самим творцом произведения искусства, то «Асса», «Меня зовут Арлекин» и «Маленькая Вера» кажутся мне фильмами честными и художественными.

Ирина МАМИЧЕВА.